

*Тонкая
грань*

Анна Корбунова

18+

Анна Горбунова

Тонкая грань

«Автор»

2026

Горбунова А.

Тонкая грань / А. Горбунова — «Автор», 2026

«Тонкая грань» — история о том, как из столкновения характеров рождается не только крепкая команда, но и настоящее чувство. Девушка попадает в суровый мир офисной работы и под пристальный взгляд требовательного босса, который испытывает её, подкидывая невыполнимые задачи, а она держится, не теряя ни достоинства, ни веры в себя. Когда над компанией нависает угроза, подчиненная и босс объединяются: её внимание к деталям и его стальная воля становятся их главным оружием. В напряжённой борьбе между героями тает лёд недоверия: за рабочими сроками прячутся маленькие знаки заботы — кофе с двумя ложками сахара, мятные леденцы, молчаливая поддержка в пустом офисе. Защищая общее дело, они учатся слышать друг друга и понимают, что вместе им по плечу любые бури — и в бизнесе, и в сердце.

© Горбунова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Когда лёд начинает таять	5
Глава 2. Их крепость	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Горбунова

Тонкая грань

Глава 1. Когда лёд начинает таять

Она выпорхнула из дома, словно легкое перо из крыла улетающей птицы, ловя лицом теплый майский ветерок. Наконец-то наступила настоящая весна: апрель выдался холодным - неделю лил дождь, неделю шел снег, и так продолжалось до самого конца месяца. Сегодня был по истине прекрасный, теплый майский день. Солнце грело кожу, порой обжигая её, будто бы раскаленное масло на сковороде, а ветер тут же остужал, и становилось немного прохладней. Не длинная юбочка белого платья с рисунком розовых цветов взметалась каждый раз, когда порыв ветра касался её. Девушка остановилась на крыльце, зажмурилась и глубоко вдохнула. Пахло влажной землёй, молодой травой и едва уловимо – яблочными цветами, которые начали цвести на молодом яблочном дереве рядом с домом. Где—то неподалёку заливался соловей, и этот звонкий, счастливый голос словно подтверждал: зима окончательно сдалась.

Ей было около двадцати трех лет – возраст, когда юность ещё не растеряла своей свежести, но уже обрела лёгкую и уверенную грацию. Её облик казался естественным и оттого особенно притягательным: русые волосы, в которых прятались теплые, выгоревшие на солнце, золотистые нити, свободно струились по плечам, лишь одна непослушная прядь упрямо падала на лицо, девушка то и дело машинально заправляет её за ухо, но та снова возвращается на своё место — и эта маленькая непослушность делает причёску живой, настоящей. Большие серо-зелёные глаза светились живым интересом к миру – в них то вспыхивал изумрудный отблеск, то проступала прохладная серая глубина. Тонкая линия едва подчеркнутых бровей придавала взгляду выразительность, не нарушая природной простоты и естественности. На веках лежал бежево-персиковый оттенок – совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы глаза казались ярче, но никто бы не заметил, что она накрутилась. Лёгкая тушь деликатно удлинит ресницы, сделав взгляд распахнутым, а на губах мерцал бальзам с едва уловимым красноватым под тоном – так, что казалось, будто бы щёки и губы сами по себе расцвели вместе с весной. На щеках, которые затронул загар, при улыбке проступали едва заметные ямочки. Тонкие запястья украшал простой бежевый плетеный браслет, а на шее – серебряная цепочка с крошечным кулоном в форме бабочки. В ней чувствовалась та особенная энергия, которая бывает только у молодых людей, стоящих на пороге чего-то важного и неизведанного.

Она улыбнулась, перекинула через плечо лёгкую сумку и неторопливо пошла по тропинке, петлявшей между молодыми, недавно посаженными яблонями. Ветви деревьев, ещё когда-то голые и угрюмые, теперь покрылись нежными белорозовыми соцветиями, и казалось, будто сад укутан воздушной пеной.

Тропинка вывела её к небольшой полянке у ручья. Вода весело бежала по камням, переливаясь на солнце, а на берегу уже пробивались первые жёлтые головки одуванчиков. Она поглядела в ручей, рассматривая в нем свое отражение, прислушиваясь к его журчанию, а затем подняла голову в высокое, пронзительно-синее небо. Тихо засмеялась и в этот момент ей казалось, что весь мир создан только для неё — для этого дня, для этого солнца, для этой весны, которая наконец пришла. И пусть впереди ещё будут ветреные дни и внезапные дожди, сейчас хотелось просто быть здесь, чувствовать, как солнце гладит кожу, как ветер играет с прядями волос, и слушать тихий шёпот пробуждающейся природы.

Но тут её взгляд упал на маленькие наручные часики с перламутровым циферблатом, и сердце ёкнуло. Стрелки неумолимо приближались к назначенному часу. Собеседование! То самое, о котором она мечтала несколько месяцев, ради которого ночами переписывала резюме

и репетировала ответы на каверзные вопросы. И теперь, когда день выдался таким чудесным, она рисковала опоздать из-за своей минутной слабости — желания насладиться весной.

С лёгким стоном досады девушка отпустила голову, панически посмотрела по сторонам, и поправила платье, бросив прощальный взгляд на сверкающий на солнце ручей, решительно зашагала вперёд. Теперь шаг её стал быстрым, почти торопливым, но даже в этой спешке она не теряла своей изящной лёгкости. Ветер попрежнему играл с её волосами, а юбочка взметалась при каждом шаге, но теперь в её движениях появилась целеустремлённость.

- Только бы успеть, — шептала она про себя, ускоряя шаг. — Только бы не упустить этот шанс.

И весна, словно подбадривая, посылала ей в спину тёплый ветерок, будто обещая: сегодня всё обязательно сложится хорошо. Она почти бежала по тропинке, и с каждым шагом всё отчетливее чувствовала, как беззаботная лёгкость, ещё минуту назад казавшаяся такой приятной, теперь будто оборачивается против неё.

Она шагнула за калитку, и тихий мир сада тут же сменился городской суетой: гудели машины, по тротуару спешили люди, а на остановке, прямо перед ней, собралась небольшая толпа. Девушка бросила взгляд на часы — времени оставалось в обрез.

Она ускорила шаг, почти перешла на бег, и тут из-за угла резко вывернул молодой человек — чуть старше неё, года на два, не больше. Он нёсся вперёд, будто весь город существовал лишь для того, чтобы он мог продемонстрировать свою скорость и значимость. В одной руке он сжимал стаканчик кофе, в другой — телефон, а смотрел он, разумеется, в экран.

Они столкнулись почти лоб в лоб. И кофе выплеснулся не на её платье, а прямо на его безупречно сидящий тёмносиний костюм — тёмное пятно расплзлось по дорогой ткани, словно пятно по репутации.

— Ты с ума сошла?! — рявкнул парень, отшатываясь и окидывая себя взглядом, будто не верил, что такое вообще могло произойти. Его голос звучал так, будто кто-то посмел испортить не просто одежду, а часть его статуса. — Ты вообще видишь, что наделала?! Это костюм от — он запнулся, будто даже произносить название бренда в такой ситуации было ниже его достоинства, — это очень дорогой костюм!

Девушка замерла, на секунду забыв про своё собеседование. В голове пронеслось: «Ну вот, теперь точно всё пропало». Но вместо того чтобы рассыпаться в извинениях, она вдруг заметила, как в его глазах мелькнуло не столько возмущение, сколько растерянность — будто ему редко приходилось сталкиваться с чем-то, что не вписывалось в его идеально выстроенный день.

Он был из тех самых «богатеньких» парней, которых видно за километр: не кричащей роскошью, а безупречной, дорогой сдержанностью. Тёмносиний костюм сидел на нём так, будто был продолжением его самого — идеально выверенные линии, ткань, которая даже при резком движении не собиралась в складки. Рубашка — безупречно белая, с жёстким воротником, подчёркивающим холодную собранность. Галстук приглушённого графитового оттенка был завязан ровно, без лишней небрежности: этот человек не позволял себе расслабляться даже в мелочах. На запястье поблёскивали часы, чья стоимость, наверное, равнялась её полугодовой зарплате, а в каждом движении чувствовалась привычка, что мир должен подстраиваться под него.

И вот теперь на этом безупречном фасаде расплывалось тёмное пятно.

— Простите... — выдохнула она, но голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я спешила...

Он снова скользнул по ней холодным взглядом карих глаз — по лёгкому платью с розовыми цветами, по русым волосам, по встревоженным серо-зелёным глазам — и на секунду в его лице мелькнуло что-то вроде снисходительной усмешки. «Будто бы с прогулки, — мелькнуло в его голове, — однако симпатичная девушка».

— Ну да, конечно, — процедил он, стряхивая капли с рукава, будто это могло хоть что-то исправить. — У всех дела. Но это не повод носиться как угорелой. Из-за тебя я теперь выгляжу... — он снова посмотрел на пятно и замолчал, явно не желая подбирать слова.

Девушка сжала пальцы в кулаки, а потом один из них невольно потянулся к кулону с бабочкой— привычный жест на удачу.

«Ладно, — шепнула она себе. — Пусть он злится. Пусть считает, что я всё испортила. Но я всё равно успею. И не позволю ему заставить меня чувствовать себя виноватой за то, что просто тороплюсь к своей цели».

Она расправила плечи, глубоко вдохнула и, не дожидаясь, пока он закончит выговаривать ей свое недовольство, в котором с одной стороны был виноват именно он, а с другой стороны — такие люди, как этот парень эгоистичные и думают только о себе, и решительно шагнула вперед.

Через двадцать минут девушка стояла перед стеклянными дверями бизнесцентра, глубоко дышала и пыталась унять дрожь в пальцах. Платье было сухим, пятно не появилось, и от этого внутри даже затеплилось что-то похожее на гордость: она не только не опоздала, но ещё и умудрилась выйти из той нелепой ситуации, не растеряв достоинства.

Перед ней высился «Mecker Tower» — двадцать этажей стекла и стали, будто кто-то взял луч солнца, переломил его о грани и построил из этого света здание. Снаружи оно выглядело неприступно: тёмные зеркальные панели отражали город так, что казалось, будто небоскрёб растворяется в воздухе. У входа не было ни пышных клумб, ни приветливых вывесок — только лаконичная табличка из полированной бронзы: «Mecker Industries». Всё здесь говорило о том, что время — деньги, а лишние эмоции — это шум, который мешает слышать главное.

Внутри холл встречал строгой элегантностью: пол из светлого мрамора с тонкими серыми прожилками, будто трещины на льду; стойка ресепшена — широкая, низкая, из того же камня, за которой сидела девушка с безупречно уложенными черными волосами, в бордовой блузке, заправленной в черную юбку-карандаш и улыбкой, отточенной до автоматизма. По бокам от входа тянулись ряды лифтов с зеркальными дверями, которые открывались бесшумно, словно заглатывая людей и переправляя их в другой мир — мир цифр, решений, от которых зависели судьбы целых отделов.

- Добрый день, - мягко с улыбкой на губах произнесла девушка – я на собеседование.

- Добрый, - твердо произнесла девушка за стойкой, не поднимая глаз – вы вовремя, пройдите, я проведу вас к «боссу».

Её провели по коридору, отделанному матовыми панелями, мимо стеклянных стен, за которыми уже кипела работа: люди склонялись над экранами, пальцы бегали по клавиатурам, в воздухе витал запах кофе и напряжённой сосредоточенности. Переговорная, куда её привели, была такой же строгой, как и всё вокруг: длинный стол из тёмного дерева, стулья с высокой спинкой, на стене — минималистичная схема структуры компании, будто карта холодного, но идеально выстроенного мира.

За столом сидел «босс» — тот самый парень с остановки, но сейчас от утренней суеты не осталось и следа. Галстук затянут, воротник рубашки плотно прилегал к шее, взгляд стал холодным и собранным, будто он надел профессиональную маску, которая отсекала всё лишнее. В руках он держал её резюме, а перед ним на столе стоял тот самый стаканчик, из которого утром выплеснулся кофе.

— Лия Стоун, — без какого-либо приветствия произнёс он, не поднимая глаз от бумаг. Голос звучал ровно, без интонаций, будто он читал строчку в отчёте, а не имя живого человека. — Меня зовут Райан Меккер, расскажите, почему вы хотите работать именно у нас?

Лия сцепила пальцы, пряча дрожь, и заставила себя смотреть ему прямо в глаза. Не с вызовом, но и не опуская взгляд, как делали другие, будто заранее признавая своё поражение.

— Потому что здесь не прячутся от проблем, — ответила она, сама удивляясь, насколько твёрдо звучит её голос. — Здесь их разбирают по косточкам и заставляют работать на себя. А я умею видеть то, что другие пропускают.

Райан чуть приподнял бровь — единственная живая деталь в его ледяной маске. Он перевернул страницу резюме, скользнул взглядом по строчкам, будто пытался найти в них подвох.

— Умеете видеть, говорите? — переспросил он, наконец поднимая на неё глаза. Такие карие, словно молочный шоколад. Они оказались не просто холодными — в них была усталость, спрятанная так глубоко, что замечаешь её, только если смотришь очень внимательно. — А если я дам вам задачу, где всё специально перепутано, где сроки горят, а исходные данные противоречат друг другу — вы тоже что-нибудь «увидите»?

Лия не отвела взгляд. Внутри всё ещё дрожало, но голос оставался спокойным.

— Да, — сказала она просто. — Потому что в путанице всегда есть логика.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или, может, это ей просто хотелось так думать. Райан отложил резюме, постучал пальцами по столу — ритм был чётким, выверенным, будто отбивал такт какому-то внутреннему метроному.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Приступайте с понедельника.

Лия замерла, удивленно взглянула на него, не веря услышанному.

- Правда? — как-то по-детски спросила она, словно маленькая девочка у прилавка с конфетами, которая смогла уговорить маму купить леденец.

- Да. Но имейте в виду: у нас не место для тех, кто ищет уют и спокойствие. Здесь нужно работать. И работать на пределе. — Твёрдо ответил он. Она кивнула, не отпуская взгляд.

В итоге Райан взял Лию на работу. Не из доброты — он вообще не считал себя добрым. Скорее из упрямства: ему хотелось посмотреть, как долго эта девушка, которая не рассыпается в извинениях и смотрит прямо, выдержит темп, который он задаёт.

С понедельника «предел» стал её новой нормой. Райан будто нарочно испытывал её терпение: кидал задачи с пометкой «вчера», требовал отчёты за сорок минут, приходил к её столу с тем самым холодным взглядом, от которого у других сотрудников опускались плечи.

— Стоун, где аналитика по третьему блоку? — бросал он, даже не замедляя шаг.

— Через двадцать минут будет на почте, — отвечала она, не поднимая глаз от экрана.

И действительно — через двадцать минут файл лежал у него во входящих. Аккуратный, чёткий, с пометками, где искать подвох.

Неделя выдалась особенно тяжёлой. Райан будто нарочно подкидывал Лие задачи, которые невозможно было решить без ночных бдений: кипы договоров с противоречивыми пунктами, отчёты, где цифры не сходились ни при каком раскладе, срочные правки в три часа ночи.

— Стоун, это нужно было ещё вчера! Разберись!

А Лия кивала, будто это была самая обычная просьба, а не приговор её выходным, и спокойно отвечала:

— Сделаю. Через час пришлю.

И действительно присылала. Причём не просто «сделаю как-нибудь», а с пометками: где ошибка, почему так не работает, и как это исправить, чтобы не повторилось.

Сначала Райан воспринимал это как упрямство, почти дерзость: мол, думает, что умнее всех. Он нарочно усложнял следующее задание, чтобы увидеть, как она наконец сорвётся, начнёт оправдываться, попросит помощи. Но Лия не просила. Она просто работала — ровно, чётко, без лишней суеты.

Он задумчиво уставился в стеклянную стену, на пронзительно-синее небо с белыми пушистыми облаками-барашками. Райан не всегда был таким, да и на самом деле Стоун была единственным сотрудником, которому он давал настолько тяжёлые задачи. Другим доставалось меньше, а порой доставалось лишь словесно: «Чтобы завтра это лежало на столе!» или «Даю тебе три дня на исполнение!» — сотрудники боялись его, но отличались тем, что могли

сдать готовую документацию лишь через неделю, срывались, увольнялись добровольно либо просили его помощи, после чего он ликовал внутри: «Я умнее вас». Лия отличалась от остальных, была простушкой, поэтому Меккер решил, что она и недели не продержится в этом бездушном и строгом здании, которое когда-то по чистой случайности перешла в его руки.

Компания называлась «Mecker Industries» — название было строгим, лаконичным, будто высеченным из гранита. Это была фирма отца Райана: тот строил её с нуля, годами «выгрызая место под солнцем», а потом, когда здоровье стало сдавать, просто в один день положил ключи от кабинета и печать на стол сына и сказал: «Держи. Теперь это твоё. Не дай развалиться».

Райан не просил этого наследства. Он вообще не любил, когда что-то достаётся просто так, по праву рождения. Но отказаться не смог. И теперь каждый день доказывал себе и всем вокруг, что он не просто «сын Меккера», а человек, который умеет держать удар.

Бизнесцентр, где располагался офис, стоял в самом центре города — высокий, стеклянный, будто собранный из зеркальных пластин. С улицы он выглядел холодным и неприступным: ни лишних украшений, ни цветов у входа, только строгие линии и тёмное стекло, в котором отражался город. Казалось, само здание говорило: «Здесь не до сантиментов. Здесь работают».

Внутри всё было под стать фасаду. Мраморный холл, где эхо шагов звучало как приговор. Стойка ресепшена из полированного камня, за которой сидела девушка с идеальной причёской и такой же идеальной улыбкой — вежливой, но не тёплой. Лифт бесшумно глотал этажи, будто стирая всё лишнее по дороге наверх.

На этаже, где сидела команда Райана, стеклянные стены были чуть тонированы, чтобы не слепило солнце, но всё равно казалось, что ты сидишь в аквариуме: все видят тебя, а ты видишь всех. Столы стояли ровными рядами, без лишних перегородок — Райан специально так сделал: «Если мы одна команда, нечего прятаться друг от друга». На каждом столе — два монитора, стопка папок, стаканчик для ручек. Никаких фотографий, никаких мягких игрушек, никаких личных вещей, которые могли бы намекнуть, что здесь работают живые люди.

По коридорам ходили в основном в костюмах: мужчины — в тёмных брюках и рубашках, женщины — в строгих платьях или юбках. Все говорили вполголоса, будто боялись спугнуть удачу. Кофе пили быстро, стоя у кофемашины, и тут же возвращались к экранам. Здесь ценили не то, сколько ты просидел на месте, а то, сколько успел сделать.

А в самом конце коридора, за отдельной стеклянной дверью, был кабинет Райана. Большой, но не захламлённый. На стене — однаединственная картина: чёрнобелая фотография старого порта, где волны бьются о пирс. На столе — только ноутбук, ежедневник в кожаной обложке и стакан с ручками. Никаких сувениров, никаких безделушек. Только работа.

Именно сюда Лия каждый раз заходила с замиранием сердца, когда Райан вызывал её для короткого, но всегда напряжённого разговора. И именно отсюда он каждый день смотрел на свой отдел, будто пытался удержать весь этот стеклянный мир от того, чтобы он не рассыпался на осколки.

В этой атмосфере Лия поначалу чувствовала себя чужой. Ей хотелось поставить на стол маленький горшок с геранью, повесить над монитором смешную открытку, налить кофе в свою кружку с котиком. Но она не делала этого. Она смотрела на этот стерильный, безупречный мир и понимала: здесь нужно сначала доказать, что ты можешь быть такой же собранной, как эти стеклянные стены.

Но постепенно она начала замечать, что и в этом идеальном порядке есть трещины. Что у строгой девушки с ресепшена в телефоне играет попсовая песенка, которую она быстро выключает, когда кто-то подходит. Что парни из соседнего отдела тайком едят пиццу прямо над клавиатурой и потом отчаянно стирают крошки, пока никто не видит. Что даже Райан, этот человек из стекла и стали, иногда задерживается у окна, смотрит вниз на город и на секунду становится просто парнем, которому хочется выдохнуть.

Постепенно его «испытания» стали чуть мягче. Он всё ещё был требовательным, но теперь иногда задерживался у её стола не для того, чтобы спросить «где отчёт», а чтобы сказать: — Перенеси этот блок на завтра. Сегодня и так слишком много.

Или приносил кофе — тот самый, с двумя ложками сахара и взбитым молоком— и ставил на край стола, будто это была не забота, а просто часть рабочего процесса.

— Спасибо, — кивала Лия, беря стаканчик, но в голосе не было тепла, только сдержанная вежливость. Для неё он всё ещё оставался тем, кто намеренно усложнял ей жизнь, кто проверял её на прочность, будто ей нечего было доказывать.

Однажды вечером, когда офис почти опустел, Райан подошёл к её столу и остановился, будто не зная, как начать.

— Я могу подвезти тебя до дома, — сказал он, глядя куда-то в сторону, будто предложение давалось ему нелегко. — Уже поздно, а ты всё равно не уйдёшь, пока не доделаешь.

Лия подняла на него глаза — серозелёные, спокойные, но в них читалось: «Я справляюсь сама».

— Спасибо, но я доберусь сама, — ответила она ровно. — Мне нужно ещё немного времени.

Райан кивнул, будто принимая её отказ как должное. Но в этот раз не ушёл сразу. Вместо этого он сел на край соседнего стола и посмотрел на неё чуть дольше, чем позволяли рабочие рамки.

— Ты злишься на меня, да? — спросил он вдруг тихо. — За то, что я даю тебе столько задач? За то, что давлю?

Лия чуть помедлила, будто взвешивая, стоит ли говорить правду. Она злилась да, этого и не нужно было скрывать — он позволил ей начать карьеру, но при этом всячески пытался «нагадить в тапки». В какой-то степени создав в ней чувство того, что он страшный, а что он просто ей противен, что она испытывает к нему ненависть. Остальные сотрудники боялись его, никто не когда не смел ему перечить, кто-то быстро сдавался, когда он начинал давить, а кто-то и вовсе мог попросить у него помощи. Лия видела, как этому человеку, состоявшему из полноценного куска льда, нравится, когда он играет на чувствах других, но вот её у него сломить не получалось и играть на её чувствах тоже, она взглянула на него, в свете еле-еле горящих ламп его лицо наконец обрело человечность: грусть, чувство вины и что-то ещё такое отдалённо тёплое, не совместимое с таким холодным, состоявшим из стали человеку.

— Я не злюсь, — сказала она наконец. — Я просто не люблю, когда меня испытывают. Мне хочется, чтобы мне доверяли.

Райан опустил взгляд, провёл ладонью по краю стола, словно стирая невидимую пыль. Лёд наконец-то растаял: он не поднимал на неё взгляд — что-то внутри терзало и давило на совесть, которую он впервые за столько лет почувствовал кому-либо. Что-то ещё внутри тёплое, словно зажжённая свеча грело душу, после её слов: «Хочется, чтобы мне доверяли».

— Прости, — произнёс он тихо. — Я - он вдруг резко приподнял на неё взгляд, но тут же вновь отпустил на край стола - не очень умею подругому.

Она не ответила. Просто кивнула, давая понять, что услышала. И в этом кивке не было ни прощения, ни обиды — просто признание, что они оба учатся говорить на одном языке.

Однажды вечером, когда офис почти опустел и только редкие лампы отбрасывали тусклый свет на ряды столов, Райан задержался у двери её кабинета. Лия сидела, склонившись над экраном, и время от времени потирала переносицу — единственный признак усталости. На столе перед ней стояла остывшая чашка чая, а рядом лежал тот самый кулонлисточек, который она, видимо, сняла, чтобы не мешал.

Райан уже хотел привычно бросить что-то резкое, чтобы подтолкнуть её к финишу, но слова застряли в горле. Вместо этого он шагнул внутрь и, не садясь, спросил:

— Ты вообще спишь когданибуть?

Лия подняла на него серозелёные глаза, в которых усталость странным образом смешивалась с живым интересом, и чуть улыбнулась:

— Иногда. Если, конечно, «боссу» вдруг не придет новое задание в голову.

Он хмыкнул, подошёл ближе и взглянул на экран. Там была та самая таблица, над которой он сам бился два дня назад, пока не махнул рукой и не перепоручил комуто из старших аналитиков. А Лия не просто разобралась — она перестроила всю логику, подсветила слабые места и добавила прогноз, который Райан раньше даже не рассматривал.

— Это — он запнулся, не привыкший хвалить просто так, взглянул на неё и слегка улыбнулся — это хорошая работа. Неочевидные выводы.

Лия чуть приподняла бровь, будто проверяя, не шутит ли он.

— Спасибо. Это упрощает дальнейшую работу. Я оставила комментарии, если захочешь посмотреть.

Райан кивнул, но вместо того чтобы уйти, вдруг потянул к себе свободный стул и сел — не как босс, а как коллега, которому действительно интересно.

— Покажи, что ты тут сделала. Я хочу понять ход твоих мыслей.

И Лия показала. Без спешки, но и без лишней скромности, она провела его по своим расчётам, объяснила, где нашла ошибку в исходных данных, как пересчитала коэффициенты и почему выбрала именно такой сценарий. Её голос звучал уверенно, но не надменно — она не пыталась доказать, что он был неправ, а она умнее его, она просто хотела, чтобы проект стал лучше и таким образом, всем своим видом и тоном говорила: «Я хочу помочь». Когда она закончила, Райан откинулся на спинку стула и какое-то время молчал, разглядывая экран, а потом перевёл взгляд на неё.

— Знаешь, — произнёс он негромко, — я давал тебе эти задачи не потому, что верил, что ты справишься. Я думал, ты сломаешься. Все рано или поздно ломаются, когда темп становится невыносимым.

Лия не опустила глаз, но в её взгляде мелькнуло что-то тёплое, без обиды:

— Может, я просто не хочу ломаться. Или может, мне нравится, когда сложно. Это заставляет мозг работать.

Райан снова хмыкнул, но на этот раз в этом звуке не было ни раздражения, ни превосходства.

— Ладно, — сказал он, вставая и поправляя пиджак — привычный жест, возвращающий его в роль руководителя. — Завтра утром совещание. Подготовь краткую сводку по этому блоку. И — он чуть помедлил, будто подбирая слова, — если тебе нужна помощь — скажи. Я могу подключить кого-то из команды, чтобы снять часть нагрузки.

Лия замерла, словно, не веря своим ушам. За все эти недели он ни разу не предлагал помощь. Только требовал, проверял, испытывал.

— Правда? — спросила она, и в этом «правда» прозвучало столько искреннего удивления, что Райан невольно улыбнулся — впервые без маски строгости.

— Да. Правда. Ты хорошо справляешься, Лия. Но даже лучшие сотрудники не должны тянуть всё в одиночку.

Она кивнула, и на её щеках проступили те самые едва заметные ямочки.

— Спасибо, Райан. Это... очень кстати.

Он ещё раз взглянул на неё, задержавшись взглядом на той самой упрямой пряди русских волос, которую она машинально убрала за ухо, и вдруг подумал, что весна, кажется, добралась и до этого стерильного офиса. На душе стало тепло, также как на улице, появление этой девушки в его офисе — окончательно дало понять: лёд должен растаять и здесь.

После того вечера, когда Райан впервые предложил помощь, в офисе будто сдвинулась невидимая плита. Он попрежнему оставался требовательным, но теперь за требовательностью всё чаще проглядывало что-то новое — не снисхождение, а уважение. И ещё — желание быть

рядом, когда она разбирается с очередной головоломкой. Сначала это выглядело почти незаметно. Райан стал задерживаться у её стола не для того, чтобы спросить «где отчёт», а чтобы бросить: «Ты опять без обеда? В холодильнике есть салат. Его никто не берёт, но он нормальный» или: «Не ставь этот блок на завтра. Перенеси на послезавтра, я договарюсь с клиентом. Ты и так закрываешь три горящих задачи».

Лия кивала, благодарила сдержанно, но в глазах мелькало насторожённое «зачем?». Она принимала помощь, но дистанцию держала твёрдо. Для неё Райан всё ещё был тем самым парнем с остановки — грубым, резким, тем, кто намеренно заваливал её работой, будто испытывал на прочность. И пусть теперь он делал это мягче, память о первых неделях не стиралась так просто.

Однажды утром, когда Лия влетела в офис, едва успевая к девяти, Райан стоял у кофемашины и, не глядя на неё, протянул стаканчик:

— Твой. С двумя ложками сахара и взбитым молоком. Как ты любишь.

Она замерла, глядя на кофе, будто это была не чашка, а приглашение в какуюто другую реальность, к которой она не была готова.

— Спасибо, — сказала она, беря стаканчик, но голос прозвучал чуть суше, чем хотелось бы. — Но... не нужно запоминать, какой я пью кофе.

Райан наконец посмотрел на неё — прямо, без привычной отстранённости.

— Почему? — спросил он спокойно. — Если я работаю с человеком, я должен знать, что ему важно. Даже если это просто кофе.

— А если это не про работу? — тихо спросила Лия, сама, не зная, зачем это сказала.

Он чуть склонил голову, будто взвешивая слова.

— Тогда это про уважение. К человеку, который каждый день делает невозможное и не жалуется.

Лия сжала стаканчик пальцами, чувствуя, как тепло пробирается сквозь картон. Ей хотелось сказать «спасибо» снова, но уже искренне, без этой колючей настороженности. Но слова не шли. Слишком свежа была память о том, как он смотрел на неё с раздражением, как бросал задачи с пометкой «вчера», как будто ему было всё равно, сломается она или нет.

— Я ценю помощь, Райан, — наконец сказала она. — Правда. Но я пока не готова смешивать это с чем-то личным.

Он не стал спорить. Только чуть кивнул, будто принимая её границу. Внутри себя Райан прекрасно понимал её позицию, её отстранённость: «Я перегнул палку. Мне жаль, что я так обидел тебя» - впервые с горечью подумал он, и так не смог сказать вслух.

— Хорошо. Без личного. Просто коллега, который приносит кофе. — Не привычно мягко ответил он.

Но «просто коллега» всё чаще делал вещи, которые коллегами не ограничивались. Когда у Лии сломался ноутбук, Райан не стал отправлять её в техподдержку. Он сам забрал его, привёз через два часа новый, с уже установленными всеми нужными программами, и поставил на стол, ничего не объясняя.

Когда она задержалась до полуночи над презентацией, он тихо сел напротив, не мешая, просто чтобы она не чувствовала себя единственной живой душой в пустом офисе. А когда она, наконец, выдохнула: «Готово», — он молча подвинул к ней тарелку с бутербродами, которые принёс из кафе этажом ниже.

— Ешь, — сказал он. — Иначе завтра будешь падать от усталости, а у нас встреча с генеральным.

Лия посмотрела на бутерброды, потом на него — и впервые за долгое время в её взгляде мелькнуло не напряжение, а чтото похожее на благодарность.

— Спасибо, — прошептала она. — Я такая голодая

Райан чуть улыбнулся — не широко, а так, что эта улыбка была только для неё, не для офиса, не для отчётов. Улыбнулся впервые так нежно, тепло и совсем не как руководитель, будто бы сейчас они сидят не в стеклянном угрюмом офисе, а в уютном кафе, наполненным запахом кофе и нежными лепестками роз.

— Пожалуйста. — Также мягко сказал он.

Постепенно Лия начала замечать, что за этой внешней холодностью прячется человек, который умеет быть внимательным. Что он не просто раздаёт задачи, а следит, как она с ними справляется, и старается не дать ей утонуть. Что его резкость первых недель была не желанием сломать, а попыткой проверить: есть ли внутри неё стержень, который не согнётся под давлением. И стержень был. А теперь она видела, что и у него есть свой — только он сделан не из упрямства, а из ответственности, из привычки тащить на себе всё, не показывая, как тяжело.

Както раз, когда они вместе шли по коридору после совещания, Лия вдруг остановилась и посмотрела на него чуть дольше обычного.

— Знаешь, — сказала она тихо, — я долго думала, что ты просто тиран. Что тебе нравится усложнять жизнь другим и играть с чужими чувствами. Но теперь понимаю: ты просто не умеешь по-другому. Ты проверяешь людей на прочность, потому что тебе важно знать, что на них можно положиться. Райан замер, будто эти слова ударили его не в плечо, а прямо в грудь. — И ты на меня можешь положиться, — добавила Лия, чуть улыбнувшись. — Даже если иногда хочется просто швырнуть отчёт в стену и уйти.

Он долго смотрел на неё, а потом тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Прости, Лия. За те первые недели. Я не знал, как иначе.

Она кивнула, принимая это извинение — не как оправдание, а как признание, которое многого стоило.

— Принято, — сказала она просто. — Но больше так не делай. Я не люблю, когда меня испытывают.

— Больше не буду, — пообещал он.

С этого дня между ними будто рухнула последняя ледяная стена. Райан попрежнему был требовательным, но теперь он спрашивал: «Ты справишься?» вместо «Сделай это!». А Лия перестала видеть в нём только босса, который усложняет ей жизнь. Она начала замечать, как он хмурится, когда что-то идёт не так, как в моменты тишины в его глазах появляется усталость, которую он никому не показывает.

А однажды, когда офис уже опустел, а за окнами зажглись огни города, Райан подошёл к её столу и протянул небольшой бумажный пакет.

— Это тебе, — сказал он, чуть неловко, будто не привык дарить что-то просто так. — Я видел, ты любишь мятные леденцы. В автомате их не было, я сходил в магазин.

Лия взяла пакет, посмотрела на него и вдруг рассмеялась — тихо, искренне, и в этом смехе не было ни напряжения, ни насторожённости. Звонкий девичий смех, разнося по стеклянным стенам офиса, такой живой и будто бы детский, но настолько приятный, что Райан невольно улыбнулся.

— Ты серьёзно? Ты ходил в магазин за леденцами?

Он пожал плечами, но в его взгляде читалось: «Да, серьёзно. Ради тебя».

— Да, — сказал он просто. — Ты их всегда достаёшь, когда думаешь. Мне показалось это мелочь, но приятная.

Лия открыла пакет, достала один леденец, положила в рот, а потом посмотрела на Райана и улыбнулась — так, что в её серозелёных глазах вспыхнули и весна, и тепло, и что-то ещё, новое, чего раньше там не было.

— Спасибо, Райан, — сказала она. — Это очень мило.

Он стоял перед ней, в своём дорогом костюме, с этими строгими часами, с привычкой всё контролировать — и в этот момент выглядел не как босс, не как «богатенький парень», а

как человек, который просто хотел сделать ей приятно. И Лия вдруг поняла: она больше не сторонится его. Не потому, что забыла, каким он был в начале, а потому, что увидела, каким он стал. И ей захотелось дать этому чемуто новому шанс.

Глава 2. Их крепость

Фасад «Mecker Industries» неожиданно начал трещать. Всё началось с тихого шёпота в коридорах, с напряжённых взглядов, с того, как Райан всё чаще запирался в кабинете и говорил по телефону шёпотом, будто боялся, что стены могут подслушать. Лия замечала, как меняется его осанка: плечи, и без того напряжённые, словно становились ещё тяжелее, будто на них опускалась невидимая плита. Он попрежнему подходил к её столу, попрежнему приносил кофе, но в движениях появилась новая, чуждая ему суетливость — будто он пытался удержать сразу сотню падающих тарелок.

Оказалось, что давний друг отца Райана, человек, который, когда стоял рядом с ним у истоков компании, теперь решил забрать её себе – Виктор Харрингтон, чтобы соединить сразу два крупных бизнеса в один. Юридические лазейки, скрытые пункты в старых договорах, внезапные проверки — всё было продумано так, чтобы ударить в самое уязвимое место. Виктор из тех, кто умеет улыбаться, не размыкая губ, и держать удар так, будто сам его и спланировал. Он не бросается в глаза кричащей роскошью — его сила в безупречной выветренности: в том, как ровно лежит лацкан пиджака, как спокойно он ждёт, пока собеседник первым нарушит тишину. Когда-то он стоял рядом с отцом Райана у самых истоков компании, делил с ним и бессонные ночи, и первые победы, и потому знает «Mecker Industries» лучше, чем ктолибо, — включая самого Райана.

Однажды утром Лия, как обычно, пришла чуть раньше остальных. В пустом офисе было непривычно тихо — не та рабочая тишина, когда все заняты делом, а звенящая, тревожная, будто само пространство затаило дыхание. Она села за стол, открыла почту, и первое же письмо заставило её пальцы застыть над клавиатурой. Тема: «Уведомление о внеплановой проверке. Основание: пункт 4.12 договора от 2010 года».

Лия нахмурилась. Пункт 4.12. Чтото царапнуло память, но тут же ускользнуло. Она потянулась к папке с резервными копиями старых документов — привычка, которую в отделе считали её маленькой странностью: «Зачем хранить то, что никому не нужно?» Но Лия хранила. Потому что верила: в пыли прячется самое важное. Через час она стояла у двери кабинета Райана, сжимая в руках тонкую папку. Он поднял на неё глаза — и в них Лия увидела не привычную собранность, а усталую настороженность человека, который уже знает плохие новости и ждёт, когда их озвучат вслух.

— Райан, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я нашла коечто. По пункту 4.12.

Он чуть наклонил голову, будто не сразу понял, о чём речь.

— Что именно?

Лия шагнула внутрь, положила папку на стол и раскрыла её на нужной странице, показала пальцем то, что действительно было важным для него, что могло успокоить и дать ему надежду.

— Это копия дополнительного соглашения, которое подписывали в тот же день, что и основной договор. Оно аннулирует пункт 4.12 — там прямо сказано, что он не применяется к текущим операциям компании. Оригинал, скорее всего, в главном архиве, но эта копия заверена печатью.

Райан замер, его взгляд скользнул по строчкам, потом снова поднялся на Лию.

— Где ты это взяла? — спросил он тихо, будто боялся спугнуть удачу.

— В резервной папке, — лишь пожала плечами она. — Я её сканировала месяц назад, когда разбирала старые документы. Тогда не поняла, зачем, а теперь

Он не дослушал. Резко встал, обошёл стол, схватил папку, прижал её к себе, будто это был не лист бумаги, а спасательный круг.

— Лия, — выдохнул он, и в этом имени прозвучало столько облегчения, что у неё на секунду перехватило дыхание. — Ты ты понимаешь, что это значит? Это наш единственный шанс оспорить их требования. Если мы успеем подать документы до конца дня

Она кивнула, уже на ходу включая ноутбук.

— Я всё подготовлю. Нужно сверить даты, проверить подписи, оформить сопроводительное письмо. Дай мне полтора часа.

— Полтора часа? — переспросил он, и впервые за последние дни в его голосе прорезалась не усталость, а искра надежды. — Лия, ты

— Не благодари, — быстро сказала она, не давая ему закончить. — Просто скажи, кому это нужно отправить. И принеси ещё кофе.

Он улыбнулся — впервые за неделю искренне, без напряжения.

— Сейчас. И — он обнял её, неожиданно, мягко, но так крепко, будто бы она была его давним другом, с которым он не виделся много лет назад. Она удивилась такому жесту и встала в ступор, слушая его шепот — СпасибоПравда, спасибо.

Пока он ходил за кофе, Лия работала. Пальцы летали по клавиатуре, глаза скользили по строчкам, цепляя каждую деталь, каждую возможную лазейку. Она чувствовала, как внутри разгорается тот самый азарт, который появлялся, когда нужно было собрать из осколков целую картину. Не ради похвалы, не ради одобрения — а потому что это было её место. Её битва.

Когда Райан вернулся, на столе перед Лией уже лежали распечатанные документы, аккуратно разложенные по стопкам, а на экране висела вкладка с формой отправки в юридический департамент.

— Готово, — сказала она, откинувшись на спинку стула и потирая уставшие глаза. — Осталось только подписать.

Райан сел напротив, взял верхнюю папку, пробежался взглядом по страницам — и вдруг замер. Его пальцы на секунду накрыли её руку, лежавшую рядом с мышкой.

— Ты спасла компанию, Лия, — тихо произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Не преувеличиваю. Без этого документа мы бы не смогли ничего доказать. Они бы забрали всё.

Она хотела отшутиться, сказать, что вроде: «Да ладно, просто повезло», но не смогла. Вместо этого она просто кивнула, чувствуя, как от его прикосновения по коже пробегает тёплая волна.

— Рада, что пригодилось, — прошептала она.

Он ещё секунду держал её руку, а потом отпустил, будто спохватившись, что переступил черту. Но в его взгляде больше не было ни холодной отстранённости, ни привычной строгости. Только бесконечная, тихая благодарность.

— Пойдём, — сказал он, вставая и протягивая ей папку. — Подпишем и отправим.

И они пошли по коридору — рядом, плечом к плечу, как настоящая команда. Стекло-бетонные стены попрежнему окружали их, но теперь Лия чувствовала: этот холодный фасад больше не казался ей неприступным. Он был их крепостью. Их домом. И вместе они сумеют его защитить.

Затишье перед бурей оказалось не долгим — новый удар Виктора был не про бумаги. На этот раз он бил туда, где документы бессильны. Всё началось с письма, которое Лия заметила в общей рассылке — короткое, безликое уведомление: «Внеплановая аудиторская проверка. Доступ к внутренним системам будет временно ограничен для всех сотрудников, кроме уполномоченных лиц». И в списке этих «уполномоченных» не было ни её, ни Райана. Зато там значилось имя Виктора Харрингтона.

Лия подняла глаза от экрана, и по спине пробежал неприятный холодок. Она встала, почти не замечая, как стул отъехал назад, и быстрым шагом пошла к кабинету Райана. Дверь была приоткрыта, но внутри царила странная, неестественная тишина. Райан стоял у окна,

спиной к ней, и смотрел вниз, на город, который с высоты двадцатого этажа казался игрушечным — будто весь этот хаос можно было просто смахнуть ладонью.

— Райан, — тихо позвала она, останавливаясь на пороге. — Ты видел рассылку?

Он медленно обернулся. В его лице не было паники — только та самая усталость, которую он так старательно прятал.

— Видел, — коротко ответил он. — Это его ход. Виктор получил временный контроль над системами. Пока аудит идёт, он может делать с данными всё, что захочет: менять, удалять, подменять. И никто не сможет это оспорить — формально у него есть полномочия.

Лия сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна злости — не на Виктора, а на эту несправедливость, на то, как легко можно разрушить годы работы одним росчерком пера.

— Но ведь это незаконно, — возразила она. — У него не может быть таких прав.

Райан горько усмехнулся.

— Может. Отец, когда-то подписал доверенность, по которой в случае «кризисной ситуации» Виктор получает доступ к системам. Он сам не думал, что это когда-нибудь используют против семьи... А Виктор он ждал своего часа.

Лия шагнула вперёд, глядя в его лицо, будто пытаясь найти там хоть каплю надежды.

— Значит, мы должны доказать, что никакой кризисной ситуации нет. Что он сам её создал.

Райан покачал головой.

— Доказательства должны быть в системе. А система теперь в его руках. Любые записи он может стереть за пару минут.

На секунду в комнате повисла тишина, тяжёлая и густая, как перед грозой. Лия смотрела на Райана и вдруг поняла: на этот раз им не помогут ни папки, ни копии, ни старые договоры. Им нужно что-то, что невозможно подделать. Что-то, что существует вне системы. И тут её осенило.

— Встречи, — выдохнула она, хватая его за руку, будто боялась, что он не услышит. — Виктор мог стереть данные в системе, но он не мог стереть встречи. Те самые совещания, на которых он присутствовал, вместе с твоим отцом, где обсуждались ключевые решения. У нас есть протоколы, записи, даже просто свидетели. Люди помнят, кто и что говорил. Райан нахмурился, будто пытался ухватить эту мысль, но она ускользала.

— И что с того? Слова против документов — это слабый аргумент.

— Не слова, — покачала головой Лия. — А цепочка. Вспомни: на одном из совещаний Виктор сам настаивал на изменении стратегии по ключевому проекту. Он убеждал твоего отца, что нужно идти на риск. И отец согласился. А потом проект провалился, и убытки легли на компанию. Если мы найдём тех, кто был на том совещании, кто подтвердит, что это была его идея тогда станет ясно, что Виктор не спасал компанию, а тянул её вниз.

Райан замер, и в его глазах впервые за день мелькнул тот самый стальной блеск, который Лия так хорошо знала.

— Ты права, — тихо произнёс он. — Нам нужны свидетели. Те, кто помнит.

Лия кивнула, уже доставая телефон и открывая список контактов.

— Я начну с Хелен Картер, она тогда вела протокол. И с Джейка из финансового отдела — он сидел прямо напротив Виктора и всё записывал.

Райан подошёл к столу, резко выдвинул ящик и достал старую кожаную папку — ту самую, где хранились распечатки самых важных встреч.

— А я возьму на себя тех, кто хорошо знал моего отца и тех, кто уже ушёл из компании, но до сих пор помнят его, — сказал он, листая страницы. — У меня есть их контакты. Если Виктор думает, что, закрыв нам доступ к системе, он закрыл нам рот, — он ошибается.

Они работали весь день, не замечая, как за окнами темнеет. Лия звонила, писала, уговаривала, напоминала. Райан методично собирал каждую деталь, каждое слово, каждую мелочь, которая могла стать звеном в цепи. К полуночи у них было уже пять подтверждений от бывших и нынешних сотрудников: все они помнили ту роковую встречу, все помнили, кто и как убеждал пойти на риск.

Когда последний ответ пришёл на почту, Лия откинулась на спинку стула и посмотрела на Райана. Он сидел напротив, уставший, но в его глазах горел тот самый огонь, который появлялся, когда он чувствовал, что победа близка.

— Это работает? — тихо спросила она.

Он улыбнулся — не широко, но искренне.

— Работает, — уверенно ответил он. — Теперь у нас есть не просто слова. У нас есть правда. И мы её докажем.

Зал заседаний совета директоров «Mecker Industries» был устроен так, будто специально создан для того, чтобы лишать людей уверенности. Длинный стол из полированного дуба, за которым сидели семь человек — каждый в своём углу силы. Тяжёлые шторы приглушали дневной свет, делая атмосферу ещё более давящей. В воздухе витал запах дорогого кофе и не менее дорогого напряжения.

Виктор Харрингтон сидел по правую руку от председателя, расслабленно откинувшись на спинку кресла. На нём был безупречный чёрный костюм, галстук ровно по центру, на запястье поблёскивали те самые часы, которые, когда-то отец Райана подарил ему в честь пятилетия совместной работы. Виктор улыбался — не широко, а так, что улыбка не касалась глаз. Он выглядел как человек, который уже выиграл партию и теперь просто доигрывает последние ходы.

Райан вошёл первым, прямой, собранный, но Лия заметила, как его пальцы чуть крепче сжимают папку с документами. Она шла следом, стараясь не смотреть по сторонам, не впитывать этот тяжёлый, оценивающий взгляд каждого члена совета. Вместо этого она смотрела на спину Райана — на то, как он держит голову, будто на ней покоится весь мир. И знала: она должна быть такой же.

— Райан Меккер, — сухо произнёс председатель, едва кивнув. — И мисс Стоун. Мы в курсе, что вы хотели представить свою позицию. У вас десять минут.

Виктор чуть приподнял бровь, будто услышал забавную шутку.

— Десять минут? — спокойно переспросил Райан, останавливаясь у края стола. — Этого хватит.

Он не стал садиться. Лия тоже осталась стоять рядом с ним — не как подчинённая, а как равный участник.

— Вы получили отчёт аудиторской проверки, — продолжил Райан, голос звучал ровно, без дрожи, без лишней эмоциональности. — В нём говорится о кризисной ситуации, которая якобы оправдывает передачу контроля над системами Виктору Харрингтону. Но я утверждаю: кризисная ситуация была создана искусственно. И у нас есть доказательства.

Виктор слегка наклонил голову, всё ещё с этой полуулыбкой.

— Доказательства? — протянул он, будто пробуя слово на вкус. — Интересно. Потому что у меня на руках — официальные документы, подписанные твоим отцом, Райан. А что у тебя?

— У меня — правда, — твёрдо ответил Райан. — И свидетели.

Лия шагнула вперёд, открыла свою папку и положила на стол несколько распечатанных писем.

— Это переписка с бывшими сотрудниками компании, — сказала она, глядя прямо на председателя, не опуская глаз. — Все они присутствовали на совещании 12 марта 2019 года, где обсуждалась стратегия по проекту «Polar Convergence». Виктор Харрингтон лично настаивал

на рискованном вложении средств, несмотря на предупреждения финансового отдела. Именно это решение привело к убыткам, которые сейчас пытаются выдать за системный кризис.

Один из членов совета, седой мужчина с жёсткими чертами лица, взял письма, быстро пробежался по ним взглядом.

— И вы считаете, что этого достаточно? — спросил он скептически.

— Этого достаточно, чтобы усомниться в объективности проверки, — вмешался Райан. — Виктор получил доступ к системам на основании того, что компания находится в кризисе. Но кризис — это следствие его же решений. Если мы докажем, что он сам подтолкнул компанию к провалу, основания для передачи контроля исчезают.

Виктор наконец перестал улыбаться. Его лицо стало жёстким, будто кто-то провёл по нему резцом.

— Ты не можешь опираться на чьи-то воспоминания, Райан, — резко бросил он. — Это не доказательства. Это слова.

— Слова, подкреплённые фактами, — спокойно возразила Лия. — Например, протокол того самого совещания, который вела Хелен Картер. В нём чётко зафиксировано: «Виктор Харрингтон настаивает на немедленном вложении средств в проект, несмотря на отсутствие гарантий». Оригинал хранится в личном архиве Хелен, копия — у нас. — Она достала ещё один лист и положила его рядом с письмами. Председатель взял документ, внимательно изучил подпись, дату, печать. Потом медленно поднял глаза на Виктора.

— Виктор Харрингтон, — произнёс он ровным, лишённым эмоций голосом. — У вас есть что на это ответить?

Виктор замер, и на секунду в его взгляде мелькнуло то, чего Лия раньше не видела в нём, — не раздражение, не высокомерие, а холодный, острый страх. Он понял: они не просто нашли лазейку. Они нашли его слабость.

— Это всё подстроено, — процедил он, уже не пытаясь сохранить маску спокойствия. — Райан пытается свалить на меня свои ошибки.

— Мои ошибки? — Райан шагнул вперёд, и в его голосе прозвучала сталь, которой раньше не было даже в самые тяжёлые дни. — Я не принимал тех решений. Ты их продавил. Ты убедил отца, что риск оправдан. А когда всё рухнуло, ты отошёл в тень. И теперь, когда компания снова на подъёме, ты решил забрать её себе, прикрываясь старыми бумажками.

В зале повисла тишина — тяжёлая, звенящая, будто все ждали, что сейчас произойдёт что-то необратимое. Председатель медленно положил документы на стол, перевёл взгляд с Райана на Виктора, потом обратно.

— Мы приостанавливаем действие доверенности, — произнёс он наконец. — До завершения внутреннего расследования. Контроль над системами возвращается к исполнительному директору, то есть к вам, Райан.

Виктор резко встал, стул с грохотом отъехал назад и упал на спинку.

— Вы не можете так поступить! — выкрикнул он, и в этом крике впервые прозвучало не превосходство, а отчаяние человека, который понял, что проиграл. — У меня есть права! У меня есть договорённости!

— Ваши договорённости будут рассмотрены отдельно, — твёрдо сказал председатель. — А пока вы отстранены от участия в управлении компанией. Охрана проводит вас до выхода.

Двое охранников бесшумно появились в дверях, ожидая приказа. Виктор посмотрел на них, потом на Райана, потом на Лию — и в его взгляде было столько ненависти, что, Лия невольно сделала шаг ближе к Райану.

— Ты об этом пожалеешь, — тихо, почти шипя, как змея, произнёс Виктор, глядя на Райана. — Ты не сможешь удержать эту компанию. Она слишком большая для тебя, сосунок!

Райан не ответил. Он просто смотрел на него — спокойно, без злорадства, без торжества. Как человек, который знает: победа не в том, чтобы унижить врага, а в том, чтобы защитить

своей. Когда дверь за Виктором закрылась, в зале снова стало тихо. Только теперь эта тишина была другой — не напряжённой, а освобождённой.

Председатель устало провёл рукой по лицу.

— Райан, — сказал он уже мягче. — Вы с мисс Стоун проделали большую работу. Мы поддержим вас. Но впереди ещё много работы, чтобы восстановить доверие и стабильность. Райан кивнул.

— Я понимаю. И мы справимся.

Когда они вышли из зала, коридор показался Лие непривычно светлым, будто кто-то наконец раздвинул тяжёлые шторы. Райан остановился, глубоко вдохнул, будто только сейчас позволил себе сделать полноценный вдох.

— Спасибо, Лия, — тихо произнёс он, поворачиваясь к ней. — Если бы не ты, я мог потерять то, что осталось от отца.

— Без тебя у меня не было бы доступа к этим людям. Ты знал, кого спрашивать. — Она улыбнулась — не широко, но искренне.

Он чуть склонил голову, будто принимая её слова как должное, но в его глазах читалось что-то новое — не просто уважение, а признание того, что они действительно команда.

— Пойдём, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Нам ещё нужно разобраться с тем, что Виктор успел натворить в системе. И, возможно — он на секунду замялся, будто не привык предлагать что-то личное, — возможно, после всего этого мы сможем выпить кофе. Не по работе. Просто чтобы выдохнуть.

Лия рассмеялась — тихо, но с облегчением, которое копилось в ней весь этот день.

— С двумя ложками сахара и взбитым молоком, — поддразнила она.

Райан хмыкнул, и в этот момент он снова стал тем парнем, с которым она столкнулась на остановке, — только теперь без злости, без спешки, без желания доказать, что он важнее. Теперь он просто был человеком, который прошёл через бурю — и остался стоять.

— Ладно, — согласился он, поправляя пиджак, но уже без той привычной строгости. — С двумя ложками.

И они пошли по коридору, мимо стеклянных стен, мимо кабинетов, где снова загорались экраны и начинали стучать клавиши. «Mecker Industries» продолжала жить. И теперь Лия знала: они защитили не просто компанию. Они защитили свой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.